Небо постепенно темнело, и последний лучик заходящего солнца растворился в земле. Долина Фармацевтов погрузилась в безмятежную осеннюю ночь.

Драконьи сухожилия, из года в год туго привязанные к белоснежным нефритовым столбам, тускло мерцали в темноте красноватым светом. Ученики зажгли фонари и отправились проверять вверенных им духовных зверей.

Никто, кроме хозяина этого места Ли Саня, не знал, что Бессмертный Владыка Падшей Луны, наделавший столько шума на лекции из-за своего падения в Путь Демона, сегодня ночует в долине.

Лу Тинцинь в очередной раз отверг всевозможные проявления заботы со стороны старшего брата, плотно закрыл дверь и тяжело выдохнул. Глядя на привычную обстановку в комнате, постель, застеленную на удобном ложе, и мягкий свет ламп, он чуть не расплакался.

Наконец… наконец-то удастся нормально выспаться!

Он подошел к зеркалу у стены, распустил небрежно собранные в пучок волосы, и темные пряди водопадом упали на плечи.

Лу Тинцинь замер на месте, нерешительно протянув палец и касаясь отраженного в зеркале лица.

Лицо было на семь десятков процентов схоже с его собственным, но кожа белее, темперамент иной, а черты тоньше и изящнее — словно на него наложили фильтр бессмертного, сошедшего с небес.

Пара светловатых зрачков холодила, подобно тысячелетнему льду, между бровей залегла неизбывная мрачность, губы казались бледными, а уголки рта сами собой сжались в линию.

Он отдернул руку. Стоило ущипнуть себя за щеку, как это лицо переставало походить на образ небожителя из свитка, обретая капельку живой, земной теплоты. Стоило моргнуть — и этот жест, изначально глуповатый, на данном лице выглядел так, будто в сердце таится тысяча неразрешенных узлов, а на устах застыло невысказанное слово.

Лу Тинцинь схватил подушку и заслонил ею зеркало.

Неудивительно, что перед началом общей лекции Цзи Хэ применил технику маскировки, чтобы скрыть это лицо. В прошлой жизни такое лицо шло со встроенным прожектором — любой засмотрится, и сердце затрепещет.

Ночь стояла тихая, пламя свечей покачивалось. Освободив волосы от пут, он почувствовал легкую сонливость.

Ли Сань неоднократно подчеркивал, что нельзя задействовать духовную энергию, и заранее подготовил в купальне горячую воду и сменную одежду. Лу Тинцинь не стал ломать голову над тем, как использовать очищающее заклинание, просто быстро искупался и лег спать.

Одеяла в Долине Фармацевтов пахли теплом высушенного на солнце белья. Измотанный чередой недавних потрясений, он чувствовал себя истощенным как морально, так и физически, и мгновенно погрузился в сновидение.

На этот раз Лу Тинцинь спал очень крепко.

Не было тех маленьких птичек, что кружили вокруг, вызывая у людей тоску, и весело порхали по кругу. Не было оборванного бедняги, выполнявшего черную работу и терпевшего издевательства хулиганов. Не было никаких… визуальных воспоминаний о детских годах ученика-дракончика.

В его сне появился взрослый человек.

Человек, подобный легкому ветерку над холодной луной или одинокой сосне на отвесной скале, от одного присутствия которого давление вокруг резко возрастало.

Лу Тинцинь мысленно вздохнул: «…»

Переживать не стоит, я выспался вдоволь. С этой мыслью он устало стоял посреди сна, чувствуя, что тени под глазами стали еще темнее.

Человек из сна фыркнул, приблизился, и легкая дымка, окутывавшая его лицо, рассеялась.

Лу Тинцинь на мгновение забыл, как дышать.

Перед ним было то самое лицо, которое он только что видел в зеркале.

Небесная чистота померкла, зато зловещей ауры прибавилось, длинные ресницы слегка прикрывали глаза, выражение лица было мрачным. Всего человека окутывало слабое черное облачко.

— Глупец, — тихо бросил человек из сна.

Они стояли друг напротив друга посреди бескрайнего белого пространства. Лу Тинцинь опустил взгляд: в груди человека из сна торчал окровавленный меч.

У Лу Тинциня перехватило дыхание, пальцы вцепились в воротник. Он ощутил чужие эмоции,

которые внезапно заполнили белоснежное пространство и забили ключом в его груди.

Казалось, чья-то душа рыдает, вопит, испытывает отчаяние и задает вопросы. С трудом подняв голову, он увидел, как человек из сна ухватился за рукоять мечом в груди и сильно дернул. Множество темных лучей и кровавых вспышек хлынуло из обугленного дочерна сердца.

Лицо человека из сна оставалось холодным, словно вершина горы или лунный небожитель, но кожа покрылась трещинами, похожими на черепичные узоры, и из них сочилась кровь. Это жуткое тело взмыло в воздух, конечности неестественно подрагивали — суставы явно были сломаны.

Лу Тинцинь с трудом выдавил:

— Ты… Бессмертный Владыка Падшей Луны.

И притом именно такой, каким он стал в оригинальном романе после всех испытаний, преданный безумной мести почерневшего душой главного героя. Неужели это вещий сон, означающий, что при любых раскладах его ждет именно такой конец?

Ресницы Бессмертного Владыки Падшей Луны покрылись слоем белого инея, а взгляд стал пустым и расфокусированным — он смотрел точно на Лу Тинциня.

— Я уже безымянный блуждающий дух и скоро перерожусь, а нынешний Лу Тинцинь — это ты. Это не сон, а мое извинение.

Словно в подтверждение его слов, удушающая атмосфера гор трупов и рек крови рассеялась, и в бесконечном белом пространстве проросло раскидистое дерево османтуса.

Легкий ветерок пронесся мимо, и вся листва и цветы османтуса закружились воронкой, осыпаясь звездами и наполняя сон осенним ароматом.

Бессмертный Владыка Падшей Луны в белых одеждах, с распущенными волосами и босиком, сидел на ветке османтуса, подняв руку и поймав падающий цветок.

— В будущем, которое тебе еще предстоит пережить, и в прошлом, через которое прошел я, Почтенный Ушан покорил четыре моря, прорвал барьер, в небесах и на земле свершились перемены, возвестив наступление конца света. Воля Небес избрала обладателя великих возможностей — то есть меня, — чтобы прожить жизнь заново и направить его на истинный путь… Я не захотел. Проживать жизнь заново — значит лишь наступить на те же грабли, к чему? Я обратился блуждающим духом и пошел на новое перерождение. Взамен Небесная Воля призвала тебя.

Бессмертный Владыка легко спрыгнул с дерева, держа в ладони полные пригоршни лепестков,

и шаг за шагом подошел к Лу Тинциню.

— Путь Небес имеет свои законы, мириады миров полны бесчисленных явлений. Бесчисленные человеческие судьбы и истории, облекаясь в форму снов или озарений, перетекают в бесчисленные миры, превращаясь в свитки сказаний. Возможно, в том мире ты слышал обо мне: я — персонаж истории, но я и жил по-настоящему.

Он вложил лепестки в ладонь Лу Тинциня, мрак в его выражении лица немного рассеялся, сменившись едва заметной улыбкой.

— Лу Тинцинь, я… прошу у тебя прощения и в то же время благодарю. Ты — это я в том мире, а я — это ты в этом. По сути мы одно целое, но обстоятельства разные. Прошу, прости мой выбор.

Лу Тинцинь шевельнул ладонью. Легкие, как пух, лепестки османтуса туманной дымкой легли на его ладонь и, чуть качнувшись, разлетелись в разные стороны.

У него накопилась куча вопросов, но он не знал, с чего начать:

— Даже не предупредив, притащил человека сюда. Я не прощаю.

Ледяные пальцы Бессмертного Владыки коснулись ладони Лу Тинциня:

— Я чувствую, что ты не сердишься… Помоги мне.

— Помочь тебе? И что я могу сделать? — Лу Тинцинь вспомнил взгляд Чун Шуана. — Тот Почтенный Ушан, о котором ты говорил, — это твой ученик-дракон. В будущем он разрушит какой-то барьер и уничтожит мир. Тебе нужно, чтобы я направил его?

— Хм! — гневно выдохнул Бессмертный Владыка из глубины горла, и с дерева хлынул дождь из цветков османтуса. — Почтенный Ушан, да гори он синим пламенем! Сейчас он твой ученик. Я лишь прошу тебя ради меня приглядывать за учителем, старшими братьями и сестрами.

Бессмертный Владыка опустил веки.

— Шепот демонических монстров… с самого моего прихода в горы преследовал меня. Я слушал, слушал… и слишком сильно остерегался тех, кого остерегаться не стоило. Слишком мало объяснялся с теми, с кем следовало объясниться. В конце концов стало слишком поздно.

Лу Тинцинь смахнул цветок с кончика пальца Бессмертного Владыки и похлопал того по тыльной стороне ладони.

— Когда я переродился сюда, учитель и старшая сестра, кажется, были за пределами гор, я их еще не видел, а твои старшие братья очень заботливы… Они, кажется, во многом заблуждались, но теперь постепенно во всем разобрались, ты видел это?

Призрачная фигура Бессмертного Владыки стала растворяться назад, возвращаясь к тому самому дереву османтуса.

Он не кивнул, но и не стал отрицать:

— Следуй велению своего истинного сердца в общении с ними. Вот о чем я хотел попросить тебя. А все остальное… я ведь уже блуждающий дух. Прощай.

Лу Тинцинь торопливо окликнул его:

— Постой, а как же он?

Бессмертный Владыка понял, к чему относится это туманное местоимение, и отвернулся.

— Решай сам, я лишь упомяну вскользь.

Он скрылся в густой тени ветвей османтуса, его силуэт то вспыхивал, то гас, постепенно истончаясь:

— Полукровка человека и дракона чаще всего гибнет из-за дисбаланса сил. На раннем этапе он должен сначала стать человеком и лишь потом принимать человеческий облик; стегать плетью для проверки прогресса, забирать кровь для ослабления плоти, вводить духовную энергию для начала культивации. На поздней стадии Закладки Основания использовать кости как пилюлю, чтобы превратить их в Ядро Дракона. Ступай в Восточное Море, а не в Южное… Очисти Первичную Кость из своего Мешка Цянькунь и отдай ее Роду драконов, чтобы помочь ему обрести человеческий облик, и тогда все будет в порядке.

Закончив говорить, Бессмертный Владыка долго молчал. Вздох — то ли возникший, то ли разбившийся — повис в воздухе.

— Время пришло, пусть будет так.

Дерево османтуса качнулось, раскололось и рассеялось. Чисто-белое пространство заволновалось, словно вода, и все мгновенно растворилось, став неуловимым.

Лу Тинцинь попытался взглянуть еще хоть разок, но его сознание погрузилось в пучину, падая в темный, глубокий океан. Над океаном мерцали слабые, едва заметные лучи света. Его сознание поддалось этому влиянию, стало легким и невесомым, всплывая наверх вслед за

светом.

— Лу Тинцинь…

— Лу Тинцинь!

Кто-то звал его, легонько покусывая за щеку.

Лу Тинцинь перевернулся, уткнувшись лицом в мягкую подушку, и наотрез отказался открывать глаза.

Он чувствовал, что уже рассвело: слабый свет пробивался сквозь бумажное окно, скользя по векам. Ну и что с того?

Все равно что проспать всю ночь в дурных снах о сверхурочной работе или учебе, а наутро проснуться — и снова тащиться на службу или на занятия.

Разве он вообще выспался? Нельзя ли поспать еще немного по-настоящему?

Беспокойная рука, словно уловив его настроение, ущипнув за щеку, слегка сжала кончик уха.

Лу Тинцинь продолжал досматривать сон в полудреме, совершенно не желая просыпаться в этом зыбком мире.

Посреди сна он перевернулся и сквозь туман почувствовал, как кто-то присел у изголовья, загораживая свет, чтобы утреннее солнце мягко скользило мимо, не тревожа его покой.

Еще какое-то время спустя под его одеяло подсунули что-то мягкое и умеренно горячее. Скользкая, пушистая шерстка коснулась его пальцев.

Лу Тинцинь во сне был счастлив до небег: ему приснилось, будто он попал в какое-то уютное местечко, сплошь усеянное подушками, вокруг книги, вкусняшки и теплые пушистики. Он свернулся там калачиком, не нужно ни о чем думать, никуда спешить.

…Слишком развращает, пожалуй, все-таки стоит открыть глаза.

Предприняв несколько попыток, он уговорил себя разомкнуть веки.

Черная, круглая пушистая мордашка уперлась ему прямо в щеку — ее обладатель сладко спал. Острые ушки во сне подрагивали, издавая прерывистый храп.

Лу Тинцинь моргнул и разом очнулся.

Это… кот?

Сердце его забилось быстрее, он не смел шевельнуться и лишь скосил глаза вбок.

Четвертый старший брат Цзи Хэ, одетый в парчовые одежды сапфирово-синего цвета с узором в виде журавлей, словно безупречный благородный муж из смутного мира, прислонился к изголовью.

Одной рукой он придерживал занавесь, приподняв ее ровно настолько, чтобы дневной свет проникал внутрь, но не мешал спать. Заметив, что Лу Тинцинь открыл глаза, он тут же протянул руку, собираясь ущипнуть его за щеку.

— Ой, старший брат!

— Ну ты и даешь, этот твой сон норовил затянуться до самого вечера!

От этого шума черный пушистый комок тоже проснулся, прищурил золотистые глаза и начал нежно и неустанно лизать Лу Тинциня в лицо, радостно мяукая:

— Мяу-ау!

http://bllate.org/book/34986/4317841